

Краткие сообщения

УДК 94(470.55) «1918/1939» + 27-725 + 323.35(470.55)
ББК ТЗ(2Р36-4Че)6-37 + ЭЗ-63

DOI: 10.14529/ssh180216

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ (1918—1939 гг.)

А. В. Печерин

*Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация
Екатеринбургская духовная семинария, г. Екатеринбург, Российская Федерация*

В статье рассматривается репрессивная политика советского государства в отношении служителей церкви в 1918—1939 гг. в Челябинской области, выделяются основные периоды массовых репрессий, определяется их региональная специфика. Особое внимание уделено таким способам избегания репрессий в церковной среде, как переход на гражданскую работу и сотрудничество с органами НКВД.

Ключевые слова: репрессии против духовенства, Челябинская область, Большой террор, бывшие служители церкви, социальный портрет репрессированного духовенства.

24 августа 1991 года Президентом России Б. Н. Ельциным был подписан Указ о передаче архивов КГБ в ведение архивных органов РСФСР. Такая передача была произведена примерно в 60 из 89 субъектов Российской Федерации. В Челябинске архивно-следственные дела репрессированных принял бывший партархив, тогда — Центр документации новейшей истории, с 17 мая 1999 г. вошедший в состав Объединенного государственного архива Челябинской области. Из-за разницы в подходах к описанию документов, дела передавались в т. н. условных единицах хранения, и общее количество папок составило около 30 тысяч. Описание переданных дел продолжается до настоящего времени. На сегодняшний день число репрессированных, внесенных в общую базу данных, составляет 37 041 человек. Из них к расстрелу было приговорено 11 592 человек, почти треть от всех репрессированных по 58-й статье.

Специальных исследований по статистике репрессий против духовенства на территории Челябинской области не проводилось. Из книг, посвященных репрессиям против служителей церкви на Южном Урале, можно выделить книгу А. Лобашева «“Верю побеждали!..”: книга о духовном подвиге православных южноуральцев» [1]. В одной из статей, посвященных репрессиям священнослужителей в Челябинской области, указывается на отсутствие статистики репрессированных священнослужителей, однако только за 1937—1938 гг. количество репрессированных определяется в тысячах [4]. К сожалению, подобного рода числа не обоснованы архивными исследованиями и в литературе фигурируют с конца 1980-х гг., кочуя из одного издания в другое.

Нужно признать, что в силу многих факторов, подсчет точного количества репрессированных «церковников» всегда будет сопровождаться определенной степенью условности. Сложности при ведении этой статистики вызваны следующими обстоятельствами: многие представители духовенства

на момент ареста работали счетоводами, завхозами, учителями и т. д., поэтому не могут быть выявлены из Книг памяти осужденных по 58-й статье, где биографические данные осужденных представлены в урезанном виде. Для того чтобы определить принадлежность репрессированных к духовному сословию, необходимо обращаться к полным базам данных репрессированных, составляемым сотрудниками архивов на основании анкет из следственных дел, где в разных графах (социальное происхождение, место работы, должность...) может встретиться соответствующая информация. Небольшой процент невыявленных клириков при этом остается. Например, это лица, намеренно скрывавшие в своих анкетных данных и свидетельских показаниях свою причастность к духовному сословию.

Немалую сложность представляет поиск людей, относившихся к Церкви, но не занимавших в ней каких-то специальных должностей. До революции 77 % жителей Челябинска были православными, а согласно переписи населения, $\frac{2}{3}$ сельского и $\frac{1}{3}$ городского населения оставались православными ко времени начала Большого террора [7]. Наконец, никем не проводилась статистика количества «церковников», «раскулаченных» и высланных без вынесения приговора; в настоящей работе они также остались не учтенными.

Наибольшее число верующих, осужденных с косвенным указанием их церковной деятельности, было выявлено при обращении к делам 1929—1933 гг., связанным с процессами коллективизации. Тогда вместе со священно- и церковнослужителями арестовывалась и масса «активных церковников». Часто для выявления таких лиц требовалось обращение к анкетам из следственных дел. Однако если человек проходил по одному делу со священнослужителем, но в анкетах его причастность к Церкви не указывалась, а, например, давалась только информация о том, что он крестьянин (как правило, «кулак»), то такой человек также не включался в список «церковников». Протоколы допросов 1937—1938 гг. не

предоставляют достаточного материала для того, чтобы целиком отнести к Церкви группы лиц, осужденных за принадлежность к «фашистской контрреволюционной организации церковников» и т. п. К этим организациям «органы» могли причислять кого угодно, включая абсолютно нецерковных людей.

При повторной судимости «церковников» учитывались только те дела, которые были заведены на людей, вернувшихся после первого срока в Челябинскую область. При этом осталась не учтенной большая масса дел, заведенных на осужденных, которые уже отбывали свой срок в лагерях и ссылках за пределами Южного Урала. Эти следственные дела хранятся в архивах тех областей, в которых были заведены.

Кроме того, Челябинская область была образована только в 1934 году, и некоторые дела, относящиеся к репрессированным на ее территории в более ранний период, могли оказаться, например, или в Перми, или в Екатеринбурге — в Государственном архиве административных органов Свердловской области, фонды которого до настоящего времени исследованы недостаточно. Так, монахиня, проживавшая в Челябинске, оказалась осуждена в Перми, и соответствующее архивно-следственное дело отложилось в Пермском Государственном архиве новейшей истории. В рамках исследования был произведен анализ Книг памяти осужденных по 58-й статье в четырех архивах Урала: Республики Башкортостан, Пермского края, Свердловской, Курганской и Челябинской областей. В архивах трех последних областей автором проводилась работа непосредственно со следственными делами. Так было выявлено 409 репрессированных служителей Церкви, проживавших на момент ареста в населенных пунктах, входящих в современные границы Челябинской области.

Первые массовые репрессии против служителей церкви относятся к 1918 году, ко времени Каслинского восстания, при подавлении которого были убиты трое священнослужителей и более сотни жителей Каслей, многие из которых в восстании никакого участия не принимали. Информация об этих страданиях, также как и о других священно- и церковнослужителях, убитых на территории современной Челябинской области накануне и в начальный период Гражданской войны, встречается только в метрических книгах и в воспоминаниях участников тех событий, и исследована недостаточно.

В 1919 году было заведено пять следственных дел, четверо осужденных были приговорены к расстрелу, а один, обвиненный, как и другие, в контрреволюционной деятельности, получил всего пять месяцев принудительных работ. В 1920 году было заведено три следственных дела по контрреволюционной деятельности. Один священник был приговорен к расстрелу, а двое получили уже более серьезные сроки — 5 и 3 года. В 1921 году один из пяти репрессированных и нерасстрелянных получил три года.

Итак, за первые четыре года существования советской власти на территории современной Челябинской области пострадало (по известным на се-

годняшний день данным) 16 человек, что составляет 3,9 % от общего количества репрессированных «церковников». Данный период исключая 1937—1938 гг. характеризуется наибольшим количеством случаев применения высшей меры наказания (ВМН). С 1918 по 1921 гг. было вынесено 12 смертных приговоров по отношению к служителям церкви, тогда как за весь остальной период антицерковных репрессий, с 1922 по 1989 гг. (исключая годы Большого террора), — пять.

Период НЭПа характеризуется ослаблением репрессивной политики государства по отношению к Церкви. Так, за период с 1922 по 1928 гг. было осуждено 11 человек, что составляет менее 2,7 % к общему количеству репрессированных «церковников», ни одного смертного приговора в этот год не было вынесено. Статистика по соседним областям выглядит схожим образом: в Башкирии было осуждено 13 человек, на территории будущей Курганской области — 10 человек, будущего Пермского края — 11. В будущей Свердловской области было осуждено 24 церковнослужителя. Наиболее «спокойными» для духовенства Урала годами в этот период стали 1922—1926.

Репрессивная деятельность государства в отношении Церкви в период годы НЭПа приобретала новые формы, главными из которых стала поддержка обновленческого раскола и формирование системы доносителей внутри церковной среды, в первую очередь как раз среди обновленческого духовенства и епископата.

Следующая волна репрессий была связана с окончанием НЭПа и новым курсом государства на форсированную индустриализацию и коллективизацию. За период с 1929 по 1933 гг. было приговорено к разным срокам 113 человек, трое из них были осуждены вторым сроком. Репрессии этого периода захватили в большей степени сельскохозяйственные районы. Так, если на территориях современных Челябинской области и Пермского края в эти годы было репрессировано 27,6 % и 29,3 % по отношению к общему числу репрессий, то на территориях Башкирии и Курганской области этот процент составил 49 % и 35,5 % соответственно.

Период голода 1932—1933 гг. отмечен увеличением репрессий против сельского духовенства. Большинство обвинительных приговоров в 1933 году (34 из 42) было вынесено против духовенства и церковного актива сел и деревень. Исключение составили только два групповых дела, по одному из которых проходили три каслинских монахини, а по второму — церковно-монашеская община г. Троицка, из которой было осуждено пять человек, во главе с епископом. Второй тенденцией этого периода стала массовая компания против церковно-монашеских общин. Большинство монашествующих будущей Челябинской епархии было осуждено именно в период с 1929 по 1933 год — 29 человек, тогда как во все остальные годы советской власти — 54 человека, или 53,7 %.

А вот во время Большого террора, который характеризуется всплеском репрессий по всем категориям, монашествующих на Южном Урале пострадало в два раза меньше. Нужно отметить,

что низкая доля репрессий против монашествующих во время Большого террора является общей тенденцией. Так, например, в Свердловской области монашествующих во время Большого террора было репрессировано 30 человек из 233, что составляет 12,9 %. Это объясняется закрытием и разгоном всех общественных объединений, монашествующих в ранний период советской власти, как то: сестричества, трудовые ремесленные артели, сельскохозяйственные объединения, нелегальные монастыри, церковно-монашеские общины и др. Первая волна репрессий против монашествующих прошла в 1921 году, как раз в связи с закрытием Одигитриевского монастыря в Челябинске.

Сроки для осужденных по 58-й статье «церковников» в 1929—1933 гг. значительно увеличиваются. Впервые появляются сроки осуждения в 10 и 8 лет. Так, на территории Челябинской области два человека были приговорены к ВМН, четверо были осуждены на 10 лет, двое — на 8 лет, один — на 6 лет, 16 — на 5 лет лагерей или ссылок, но большинство (73 человека), как и прежде, получали трехлетний срок лишения свободы, двое были отпущены на свободу, у тринадцати осужденных срок установить не удалось.

Окончание этого периода репрессий против духовенства во всех областях Урала характеризуется заметным спадом вплоть до 1937 года. С 1934 по 1936 гг. осуждению подверглись четыре человека; кроме того в Верхнеуральской тюрьме в 1936 году было заведено новое дело на фактического главу «Тихоновской» Церкви, митрополита Петра (Полянского), к сроку которого в 1936 году было добавлено три года.

Накануне Большого террора было заведено дело на церковников г. Челябинска. Осужденным дали разные сроки, от двух до 8 лет, но уже в середине августа 1937 года дело было пересмотрено, и в итоге всех его фигурантов, кроме архимандрита Ардалиона (Пономарева), расстреляли. Архимандрит Ардалион скончался в воркутинском лагере в июле 1938 г.

Большой террор начался с приказа НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г., направленного на репрессирование кулаков и других антисоветских элементов, к которым относились и «церковники». В статистику репрессий Большого террора не вошли те южноуральцы, которые к этому времени проживали (порой уже отбывая свои сроки в местах заключения) за пределами области (как, например, осужденный в 1935 г. на 5 лет лагерей священник Василий Федорович Могилевский-Павлов или единоверческий епископ Вассиан Веретеников, осужденный на 10 лет в 1936 г.). Оба указанных священника были приговорены к ВМН в 1937 г. уже в лагерях Кемеровской области.

Согласно архивным данным, в Челябинской области в период массового террора было осуждено 266 «церковников», 237 из них были приговорены к расстрелу, один умер под следствием, 22 человека приговорены к 10 годам, а семеро — к восьми годам лагерей. Анализ социального состава репрессированных показывает, что к срокам в 8 и 10 лет, как правило, приговаривались только миряне, занимав-

шие низшие церковные должности (председатели, секретари и члены церковных советов, действующие или бывшие церковные старосты, бывшие псаломщики и псаломщицы, «активные церковники»). Более четверти из них составляли женщины.

Из репрессированных в этот период священнослужителей избежать расстрела удалось только одному действующему священнику с. Кузнецкого Ивану Сергеевичу Наумову, осужденному на десять лет 10 сентября 1937 г., в самом начале Большого террора. Такой же срок удалось получить двум бывшим священникам из г. Миасса В. М. Карпову и А. Н. Катаевскому, работавшим на время ареста соответственно охранником и садоводом. При этом, конечно, были и те, кого Большой террор обошел стороной. Так, бывший священник Сергей Ашихмин с 1932 года находился на гражданской работе, а во время Великой Отечественной войны вернулся на церковную службу (возможно, его спасло то, что в Челябинске он проживал лишь с 1936 года).

В отношении священнослужителей (без причетников и представителей церковного актива) здесь будет уместно сопоставить данные по Свердловской и Челябинской областям в границах того времени (в состав первой тогда входила и территория нынешнего Пермского края, в состав второй — вся территория Курганской области и несколько южных районов Свердловской).

Всего с августа 1937 по ноябрь 1938 гг. по Свердловской области было осуждено не менее 338 священнослужителей, из них к ВМН — 208 (т. е. 61,6 %), по Челябинской — 163 священнослужителя, из них к ВМН — 151 (т. е. 92,7 %). Известны аналогичные цифры и по Оренбургской области: всего осуждено — 80 священнослужителей, из них к ВМН — 74, т. е. 92,5 %. Таким образом, репрессивная кампания в отношении «церковников» на Южном Урале проходила гораздо ожесточеннее, чем в Свердловской области. Больше общее число осужденных в Свердловской области, судя по всему, определилось изначально большим количеством действовавших храмов. Возможно, данное обстоятельство и определило процент расстрельных приговоров.

Отметим, что одним из способов избегания репрессий (либо смягчения их последствий), не потерявшим свою эффективность даже в годы Большого террора, для духовенства являлся уход с церковной службы (в другие годы в Челябинской области не было репрессировано ни одного «бывшего» служителя культа). Само религиозное мировоззрение в конце 1920-х — начале 1930-х гг. расценивалось как проявление контрреволюционности, а носители такового априори воспринимались в качестве криминальных элементов. Косвенным доказательством этого могут быть анкеты «церковников» Уральской области, осужденных по 58-й статье, где у некоторых в графе «причина ареста» прямо указано: «За религию» [6].

Страх подвергнуться репрессиям не был единственной причиной для оставления служения. Часто этому способствовал и ряд объективных причин, таких как канонические запреты, здоровье, возраст, закрытие церквей и отказ в регистрации в местных

органах власти. Но нередко храмы годами стояли без священников, а батюшки не хотели нести в них свою службу; с одной стороны, по малообеспеченности приходов, с другой, из опасения подвергнуться гонениям («что ни делай, как ни служи, а все равно посадят...»).

Прекращение священнодействия клириками (с последующей записью их следователями в число «бывших») не было тождественным снятию сана (из всех «бывших» снявшим с себя сан указан в анкете лишь один.) Некоторые священники при этом продолжали заниматься тайными требоисполнениями, пополняя, как указано в следственных делах, число «безработных» и «неработающих». К числу последних следователями был отнесен, например, обновленческий архиепископ Александр (Смирнов).

Многие из бывших «служителей культа» устраивались на гражданскую работу. Анализ лиц данной категории представляет значительный интерес: из 156 клириков (епископы, архимандриты, протоиереи, священники и диаконы), осужденных на территории современной Челябинской области в период Большого террора, 32 человека работали во время ареста на самых разных должностях. Большинство клириков были «белыми» (то есть семейными) священниками и диаконами; из высшего духовенства Урала ушел на светскую работу (экономистом) только бывший Курганский обновленческий архиепископ Константин (Прокопьев).

Если попытаться систематизировать «популярные» сферы деятельности «бывшего» духовенства, то на первое место выйдет «хозяйственно-экономическая», в ней трудились девять человек (зам. директора пункта «Союзутиля», четверо счетоводов, бухгалтер, завхоз театра, инспектор Госбанка, кладовщик). Шесть человек «пополнили ряды рабочего класса» (десятник на Челябинском тракторном заводе, контролер, рабочий без указания специальности, два столяра, переплетчик в типографии), трое оказались в сфере просвещения (на преподавательских должностях), а другие трудились в самых разнообразных местах (чаще — на малоквалифицированных работах, не связанных с тяжелым физическим трудом): восемь бывших клириков работали охранниками, трое — конюхами, один — банщиком, один — пчеловодом, один — садоводом...

Анализ анкет, заключенных позволяет прийти к выводам о том, что значительная часть духовенства в 1930-е гг. ушла на гражданскую работу. Должности, которые они выбирали, показывают склонность духовенства к хозяйственно-экономической деятельности, и в меньшей степени — к профессиям, связанным с производством материальных ценностей и тяжелым физическим трудом.

Данная тенденция ухода служителей церкви на гражданскую работу продолжалась вплоть до нормализации церковно-государственных отношений в 1943 году. И хотя эти формы конформизма помогали избежать острых репрессивных действий со стороны государства (либо смягчить их последствия), но полной «социальной реабилитации» этих людей в советском социуме при этом обычно не происходило. Как писал в своем отчете один из лекторов Союза

воинствующих безбожников в 1940 году, «церковники, бывшие попы и дьяконы теперь начинают проникать на работы в колхозы и на предприятия... но как они используют свободное время, не ведут ли соответствующей агитации, — твердой уверенности у общественности данных предприятий нет».

Вторым способом избегания репрессий было сотрудничество с ОГПУ. Сеть осведомителей начала формироваться в государстве еще с 1920-х гг. Из анализа следственных дел осужденных на Урале, вырисовываются разные поведенческие типы людей, склоненных к осведомительству.

Первый тип, который можно определить как «формальные сотрудники», которые крайне тяготились своим положением, всеми способами старались избежать реального доноительства (и часто получали за это лагерный срок). На Среднем Урале, к примеру, такими людьми были: епископ Аркадий (Ершов), архимандрит Ксенофонт (Медведев), священник Константин Плясунов и другие.

Противоположный тип — «активные сотрудники». В эту категорию входили осведомители, часто дававшие подписку по идейным принципам, исполнившие свою работу, с позволения сказать, «не за страх, а за совесть». Поведенческие модели таких людей были тоже различными. Некоторые, особенно в конце 1920-х — начале 1930-х гг., чувствуя за собой поддержку «органов», активно ей пользовались, нарушая церковные правила и каноны. При этом они часто оказывались разоблаченными, в пьяном виде бахвалясь перед сослуживателями, добываясь привилегий или угрожая кому-то, ссылаясь на свое особое положение. Другие тихо продолжали свое церковное служение, при этом строча доносы.

«Личные качества агентуры мне неизвестны, — свидетельствовал на допросе сотрудник челябинского УНКВД А. В. Иванцов, — так как я в то время с ней не работал, но мне приходилось слышать хорошие отзывы <...> об агентуре — Хлопотова, Вяткина, Бормотова <...> по личным делам характеристики на них положительные. Хлопотов В. за 1936 г. дал 388 агентурных сводок, за 1937 г. по октябрь месяц, т. е., по арест, — 120; агент Бормотов за 1936 г. дал агентурных сводок 202, а за 1937 г. по октябрь месяц — 128» [2].

Сотрудничество с органами ОГПУ — НКВД, как и участие в обновленческом расколе, оставалось эффективной защитой от репрессий только до середины 1930-х годов. В 1937—1938 гг. спец-агенты активно использовались для фабрикации многочисленных «липовых» дел, при этом сами оказывались включенными в число их фигурантов. Такая практика была распространена повсеместно. Особенностью Челябинской области стало то, что во время Большого террора были уничтожены поголовно все осведомители по «церковникам», что подтверждается самими сотрудниками органов НКВД. В частности, Ф. К. Бритиков показал: «В связи с приходом на работу во 2-й отдел УГБ, я, как начальник отдела, столкнулся в 4-м отделении с отсутствием агентуры по церковникам. Стал спрашивать, почему нет агентуры... Мне, в частности, тов. Иванцов сообщил, что агентуру по церковникам постреляли <...> По неполным данным, расстреляно

Краткие сообщения

24 агента и осведомителя, из которых 6 были на связи у сотрудников отделения <...> Вследствие такого отношения к агентуре, 4-е отделение 2-го отдела в настоящее время на длительный период лишено возможности вести надлежащим образом агентурную работу» [5]. Эти показания, при условии их достоверности, дают представление как об общем количестве агентов НКВД в рядах «церковников» Челябинской области в 1930-е гг., так и о числе особо активных среди них. Цифры эти не пугают своим размахом, и, как видно, осведомителем среди церковников являлся отнюдь не «каждый второй» сотрудник культа.

После февраля 1938 года отмечается постепенное затухание репрессий. Так, до конца 1938 года к ВМН было приговорено шесть человек, а в 1939 году («по инерции») — один, последний смертный приговор, вынесенный против служителей церкви в Челябинской области.

Одним из ключевых событий при этом стало назначение на должность наркома внутренних дел в ноябре 1938 года Л. П. Берии, за которым последовала смена руководства органов НКВД на всех уровнях. В Челябинской области несколько арестованных «церковников» (расследование дел в отношении которых к этому времени не было доведено до конца) при этом вышло на свободу, однако реабилитация тех, кто уже был осужден, началась только полтора десятка лет спустя (и это несмотря на то, что сфальсифицированность дел, по которым они проходили, была установлена сразу).

Фабрикация обвинений во время Большого террора стала предметом специального расследования внутри НКВД в 1939—1940 гг., результатом которого стал ряд произведенных арестов. «Основными виновниками» в фальсификации дел на территории Челябинской области были названы 42 сотрудника органов госбезопасности, из них на скамью подсудимых (по известным на сегодняшний день данным) попало шесть...

Репрессии против служителей Церкви в первые два десятилетия советской власти охватили большую часть активного духовенства и мирян Челябинской области. Нами выделено три основных волны репрессий: первые послереволюционные годы; годы форсированной коллективизации и последовавшего

за ней массового голода; годы Большого террора. Доля осужденных служителей Церкви от общего количества осужденных за контрреволюционную деятельность составляет всего 1,1 %, что вполне естественно при их малочисленности относительно общего числа жителей области. В Москве и Московской области доля репрессированных «церковников» к общему количеству осужденных по 58-й статье была более чем в три раза выше, и составила 3,5 % [3, с. 366].

Но при этом репрессивные меры к «церковникам» были применены гораздо более строгие чем для других категорий. Так, к ВМН только на рассматриваемой территории было приговорено 237 работников церкви, что составляет 57,9 % от числа всех осужденных, это почти в два раза превышает долю расстрельных приговоров в целом по области (по данным Челябинского архива, он составлял 31,2 %). Основная волна приговоров к ВМН была вынесена в годы Большого террора, когда одной из главных целей репрессивной кампании являлась Русская Православная Церковь, духовенство которой в Челябинской епархии к 1938 году почти всё подверглось репрессивным мерам со стороны государства.

Литература и источники

1. Лобашев, А. «Верю побеждали!..»: книга о духовном подвиге православных южноуральцев / А. Лобашев. — Челябинск : Имидж-2, 2007. — 280 с.
2. ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 25163. Т. 22. Л. 428.
3. Орловский, В. А. Восстановление практики причисления к лику святых и канонизация новомучеников российских в контексте взаимоотношений Церкви и государства: 1970—2011 гг. : дис. ... д-ра. ист. наук. : 07.00.02 / В. А. Орловский. — Белгород, 2017. — 487 с.
4. Панкова, И. Приговор один — расстрелять / Инна Панкова // Аргументы и Факты. Челябинск. — 2017. — 6 июля.
5. Протокол допроса свидетеля Бритикова Ф. К. // ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 25163. Т. 22. Л. 424.
6. Следственное дело Бархатова А. Е. и др. осужденных, 1930 г. // ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 68480. Л. 191—202.
7. Щелкунов, А. А. Особенности ведения следствия органами НКВД против священнослужителей во время «Большого террора» 1937—1938 гг. / А. А. Щелкунов // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. — 2015. — Вып. 2 (63). — С. 108—120.

ПЕЧЕРИН Андрей Владимирович, аспирант кафедры истории России, Уральский федеральный университет; научный сотрудник кафедры церковно-исторических и гуманитарных дисциплин, Екатеринбургская духовная семинария (Екатеринбург, Россия). E-mail: epds_arhiv@mail.ru

Поступила в редакцию 27 февраля 2018 г.

REPRESSIONS AGAINST ORTHODOX CLERGYMEN IN THE CHELYABINSK REGION IN 1918—1939

A. V. Pecherin, epds_arhiv@mail.ru

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

Ekaterinburg Theological Seminar, Ekaterinburg, Russian Federation

The article analyzes repressive policy of the state towards Orthodox clergymen during the first 2 decades of the Soviet regime in the Chelyabinsk region, the basic periods of the massive repressions and their specifics of the region are given here. Special attention is focused on the methods of Orthodox people to avoid repressive measures by changing church work for some other civil job or by cooperating with the People's Commissariat of Internal Affairs; the effectiveness of these methods as ways of social adaptation in different periods of massive repressions is also analyzed.

Key words: repressions against clergymen, Chelyabinsk region, statistics on the repressive measures, the Great Terror, former clergymen, social portrait of the repressed clergymen.

References

1. Lobashev, A. «Verou i pobezhdali!..»: *Kniga o dukhovnom podvige pravoslavnykh iuzhnoural'tsev* [By faith they won!.. Book about the spiritual feat of Orthodox dwellers of the South Ural] A. Lobashev. — Chelyabinsk : Imidzh-2, 2007. — 280 p.
2. OGACHO. Ob'edinennyi Gosudarstvennyi Arkhiv Cheliabinskoi oblasti [The United State Archive of the Chelyabinsk region]. F. R-467. Op. 3. D. 25163. T. 22. L. 428.
3. Orlovskiy, V. A. *Vosstanovlenie praktiki prichisleniia k liku sviatykh i kanonizatsiia novomuchenikov rossiiskikh v kontekste vzaimootnoshenii Tserkvi i gosudarstva: 1970—2011 gg.* [Restoration of the practice of nomination for the saints and the canonization of the new martyrs of Russia in the context of church-state relations: 1970—2011] : dis. ... d-ra. ist. nauk. 07.00.02. V. A. Orlovsky. Belgorod, 2017. 487 p.
4. Pankova, I. Prigovor odin — rastreliat' [The only sentence — to be shot] / Inna Pankova. *Argumenty i Fakty*. Chelyabinsk. 2017. 6 July.
5. Protokol doprosa svidetelia Britikova F. K. [The Record of the Interrogation of Witness F. K. Britikov]. *OGACHO* [The Combined State Archive of the Chelyabinsk region]. F. R-467. Op. 3. D. 25163. T. 22. L. 424.
6. Sledstvennoe delo Barkhatova A. E. i dr. osuzhdennykh, 1930 g. [The Investigation file of A. E. Barkhatov and other convicts]. *GAASO*. Gosudarstvennyi arkhiv administrativnykh organov Sverdlovskoi oblasti [The State Archive of Administrative Organs of the Sverdlovsk region]. F. R-1. Op. 1. D. 68480. L. 191—202.
7. Schelkunov, A. A. *Osobennosti vedeniia sledstviia organami NKVD protiv sviaschennosluzhitelei vo vremya «Bol'shogo terrora» 1937—1938 gg.* [The Specifics of Investigation Process performed by the NKVD officials in the cases of clergymen in the period of Great Terror of 1937—1938] / A. A. Schelkunov. *St. Tikhon's University Review. Series II: History. Russian Church History*. 2015. Vol. 2 (63). P. 108—120.

Received February 27, 2018

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Печерин, А. В. Репрессии против православного духовенства на территории Челябинской области (1918—1939 гг.) / А. В. Печерин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — Т. 18, № 2. — С. 100—105. DOI: 10.14529/ssh180216

FOR CITATION

Pecherin A. V. Repressions against orthodox clergymen in the Chelyabinsk region in 1918—1939. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2018, vol. 18, no. 2, pp. 100—105. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh180216